

Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря аввы Сериды)

Организация жизни каждого палестинского монастыря строилась в соответствии с правилами его основателя, сохранявшихся обычно в виде устного предания. При этом также учитывались и региональные традиции, и уставы известных родоначальников монашества¹, зафиксированные письменно, среди которых первостепенное значение имели правила Василия Великого.

Указами Феодосия Великого и, особенно, канонами Халкидонского собора 451 года, было положено начало законодательной регламентации монашества. Следующим важным этапом на этом пути стали новеллы Юстиниана, касающиеся монашества. Речь идёт, прежде всего, о 5 новелле 535 года и дополняющей её 133 новелле 539 года, о 76 новелле 539 года, и о 33—44 главах 123 новеллы 546 года, которые вместе образуют основу законодательства о монашествующих и монастырях. Также к этой теме можно отнести 79 новеллу о судопроизводстве в отношении монахов и 1 главу новеллы 67, где говорится об основании монастырей, но они лишь повторяют вышедшие ранее постановления.

Данное законодательство придало положению монашества в государстве ту форму, которая оставалась неизменной на протяжении столетий вплоть до падения Византийской империи. Представляется интересным исследовать вопрос, насколько оно считалось с существовавшими в его время монашескими традициями? и насколько соответствовало реалиями жизни в киновиях. Для этого мы рассмотрим сведения из «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских» и другие источники, также относящиеся к монастырю аввы Сериды. Эти источники охватывают период примерно с конца 20-х по начало 40-х годов VI столетия.

А) Принятие рабов

Законодательство Юстиниана о монашестве одним из первых вопросов рассматривало возможность принятия в монастырь рабов, так как облачение в монашеские одежды влекло за собой изменение социального и юридического статуса.

Василий Великий в пространных правилах выступал против принятия в монастырь рабов (RF 11). 4 канон Халкидонского собора придерживался этой же точки зрения. Новеллы

¹ Обзор сочинений: Besse M. Les règles monastiques orientales antérieures au concile de Chalcédoine // Revue de l'Orient chrétien T. 4 (1899). Pp. 465-490.

разрабатывают этот вопрос детальнее и дают возможность беглым рабам вступить в монастырь.

Дабы не допустить в монастырь рабов, колонов или адскрипциев, которые хотели изменить свой статус или избежать суда, желающий стать монахом вначале проходил обязательное собеседование с игуменом, который старался установить истинную причину его прихода в монастырь. Далее рабу давался 3-летний испытательный срок, в течение которого господин мог заявить на него права, но только в случае предоставления им доказательства того, что тот оказался в монастыре, желая избежать сельскохозяйственных работ или скрываясь от наказания за совершенные им преступления. По прошествии же этого срока бывший раб становился полноправным членом монашеской общины, после чего все притязания прежнего владельца теряли силу (CIC III, 1-2; Nov. 5.2; Nov. 123.35).

Полностью в соответствии с законодательством в монастыре аввы Сериды будущий послушник вначале подвергался расспросу со стороны игумена или его помощника (VD 2, 4). В житии преподобного Досифея упоминается подобная предварительная беседа. Прежде чем допустить Досифея в монастырь, настоятель, авва Серид, захотел узнать, не был ли тот рабом и не совершил ли какого-либо преступления, и не решил ли скрыться в монастыре от правосудия (VD 2).

В этой связи следует заметить, что автор жития называет Досифея деликием (δηλίκιον)² (то есть мальчиком-рабом) одного из стратилатов императора Юстиниана (VD 3:1, 20-21). Также читателю сообщается, что стратилат держал Досифея в большой неге и роскоши, и оберегал от всего того, что могло причинить вред его здоровью (VD 3:1-3). Несмотря ни на его рабский статус, ни на возраст, ни на его красоту, юношу взяли в монастырь после собеседования с ним, так как помощником игумена была установлена подобающая причина прихода Досифея в монастырь («σωθῆναι θέλω»), а также заключено, что «в нём нет ничего злого» («οὐδέν γὰρ φαῦλον ἔχει») (VD 4:4-5).

Впрочем, в отличие от законов Юстиниана, устанавливавших 3-летний период послушания, в Палестине время пребывания в послушничестве не было строго зафиксировано. Определяющим фактором здесь была готовность испытуемого к принятию монашеских

² Латинское слово «deliciae» означает «наслаждение», наряду с этим, оно также использовалось для обозначения мальчика-раба, находящегося в интимной связи со своим хозяином. См.: Marquardt Karl Joachim. *La Vie privée des Romains. (=Manuel des antiquités romaines, 14)*. Paris, 1892. Pp. 178-179; Mau O. *Deliciae // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / eds. August Pauly, Georg Wissowa. Band 4 (2)*. Stuttgart, 1901. S. 2435-2438.

Законы Феодосия (CTh IX.7.6) и особенно новеллы Юстиниана (Nov. LXXVII, 144) запрещали подобное сожительство и карали его смертной казнью, а все ранние монашеские установления вообще запрещали брать безбородых юношей в монастырь.

обетов. В монастыре аввы Серида придерживались этой же традиции, например, в случае с Элианом, настоятелем общины после смерти Серида, вообще не было никакого испытательного периода (SC 575b). Дорофей также весьма быстро прошёл путь от послушника до значимых должностей в монастыре. А биограф Досифея даже не счёл важным указать, через какое время после появления в монастыре он стал монахом. Мы лишь знаем, что он пробыл там 5 лет и умер от кровохарканья (VD 9), и то, что он уже был монахом (VD 7). По-видимому, Юстиниан заимствовал норму 3-летнего срока послушничества у тавенниситов (Historia Lausiaca, 32; Historia ecclesiastica, 3, 14).

В) Оставление имущества

Следующим важным испытанием для послушника было расставание со своей собственностью. 5 новелла позволяла послушнику свободно распоряжаться со своим имуществом, и раздавать его по своему усмотрению³, при этом своим детям следовало оставить как минимум четверть, супруге отдать приданое и предоставить некоторое обеспечение, на которое она могла бы жить (Nov. 5.5, CIC III, 1).

Если же этого не было сделано, тогда после пострига вся принадлежащая ему собственность автоматически переходила монастырю. В 123 новелле говорилось, что переданное до пострига имущество всё равно возвращалось монастырю, то есть позднейший закон отменял свободу послушника распоряжаться своей собственностью (Nov. 123.37)

В монастыре аввы Серида желающий стать монахом часть своей собственности отдавал монастырю, а часть самостоятельно раздавал бедным. «Переписка» сохранила пример и прямо противоречащий законодательству. Послушник Дорофей оставил себе одну часть собственности на некоторый срок, чтобы, став монахом, иметь возможность тратить деньги на получение необходимого лечения (QS 252). Также нам известно, что позднее он совершал агапы для братьев за свой счёт (QS 324), из чего можно предположить, что он имел некоторые сбережения, кроме того он хранил в своей келии и книги, которые впоследствии предполагал передать в ведение общины (QS 326). По-видимому, правило об оставлении имущества вообще не распространялось на личные вещи монаха, книги, одежду и убранство келии.

Таким образом, мы видим, что отречение от собственности могло быть неполным. Как показывает «Переписка» вопрос о том, как и насколько следовало отречься рассматривался в каждом случае отдельно, в соответствии с общими представлениями о монашеской жизни.

³ В каноническом праве подобные предписания появляются гораздо позднее и определено под влиянием новелл Юстиниана — см.: канон 6 Двукратного собора в храме св. Апостолов (861 г.). Максимович Законодательство императора Юстиниана о монашестве... с. 44

С) Еда и совместный сон

Общий распорядок жизни в киновии законодательство затрагивало в меньшей степени, очевидно, предполагалось, что он будет регулироваться уставом монастыря. Впрочем, 5 и 133 новелла устанавливали, что киновиты должны принимать пищу и спать совместно (ἐν κοινῷ), причём каждому следовало лежать на своей подстилке (χαμῆνης), но в одном помещении (или, если их число было слишком велико, то в нескольких), чтобы за монахами можно было бы следить даже ночью (Nov. 5.3, СІС III, 1; Nov 133.1, СІС III, 2).

Из «Переписки» нам известно, что киновиты принимали пищу всегда вместе (QS 162, 163, 545, 546; Instr. XI, 121) и периодически устраивали общие агапы (QS 323), но нельзя найти ни одного свидетельства существования общей спальни. Авва Дорофей, когда говорит о своей келии, то всегда подразумевает, что живёт в ней один или с ещё одним монахом. Даже сам термин келия (κελλίον), употребляемый в «Переписке» для обозначения места отдыха киновитов, предполагает небольшое пространство для одного или несколько человек, но никак не большое помещение, вмещавшее всю братию.

Возникает закономерный вопрос, постановляя ночевать всем монахам в одной комнате, закреплял ли Юстиниан уже существующую модель или вводил абсолютно новую, и следовали ли ей в этом случае на практике?

Если обратиться к письменным источникам, относящимся к Палестине, то можно обнаружить, что в них никогда не упоминаются общие спальни. Ицхак Хиршфельд, долго занимавшийся археологическими раскопками палестинских монастырей, нашёл только в одном из них большие помещения, которые предположительно могли бы служить спальнями. По его мнению, этот монастырь был основан в юстиниановское время и при его строительстве, соответственно, учитывалось и современное ему законодательство⁴. Во всех же остальных обителях были обнаружены множество отдельных помещений, очевидно, служивших келиями для одного или нескольких человек. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что предписание «спать в одном доме», было для Палестины, как, впрочем, и для Египта⁵, нововведением. И на практике, монастыри не перестраивались для соответствия новому законодательству.

Д) Выборы игумена

В законах Юстиниана детально оговаривались и выборы игумена. Речь идёт о 5, 123 новелле и о конституции Юстиниана 530 года (СІС I.3, 46).

⁴ Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven, 1992. P. 95

⁵ Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб., 2004. С. 11; 110-111.

Согласно императорской воле, право избирать и назначать игумена являлось прерогативой местного епископа (СІС ІІІ, 1, Nov. 5.9). В 5 новелле (535 год) Юстиниан предписывает епископу выбирать нового настоятеля не из тех, кто находился сразу после первенствующего (τὸν πρῶτον), или занимал после него второе или третье место», но из тех, кто первенствовал в добродетели (πρῶτον ἄριστον) и одновременно с этим был способен управлять общиной.

123 новелла (546 года) позже повторила предписание о том, что авва (ἀββᾶς) или архимандрит (ἀρχιμανδρίτης) должен быть избран на основании его духовных и административных качеств, а не по старшинству и не в соответствии с монашеским стажем. Однако в новом законе был изменён сам принцип избрания, отныне настоятель избирался всеми монахами или самыми выдающимися из них (οἱ καλλίονος ὑπολήψεως ὄντες; omnes monachi melioris opinionis existentes), а затем утверждался непременно (πᾶσιτρόποις; omnibus modis) епископом того места, в котором был расположен монастырь (Nov. 123.34, СІС ІІІ, 2). Таким образом, епископ должен был только ратифицировать выбор общины.

Около 540 года умер авва Серид, перед своей смертью он составил список своих преемников, которых расположил последовательно, сначала первого по старшинству, а по его смерти следующего, и так далее по порядку, замыкал же список мирянин Элиан, которому также могло быть передано игуменство в том случае, если он станет иноком (QS 574).

Таким образом, согласно «Переписке», в этом случае не была соблюдена 5 новелла. Авва Серид сам написал завещание, в котором перечислил всех возможных своих преемников по очереди (QS 574). Во-первых, по завещанию, во-вторых, согласно порядку (κατὰ τάξιν), что как раз было запрещено законодательно (Nov. 5.9. СІС ІІІ, 1).

Это несоответствие законодательству объясняется тем фактом, что в Палестине игумены монастырей назначались пожизненно и были прямыми наследниками основателя монастыря⁶, поэтому игумен обычно избирался своим предшественником, и только в некоторых случаях избирался советом старейшин⁷.

Итак, законы Юстиниана, представлявшие собой наиболее амбициозную попытку регламентации жизни монастырей за всю истории Византии, часто не учитывали сложившиеся на местах обычаи в вопросе устройства жизни монашеской общины, отчего, впрочем, в ряде случаев им и не следовали.

⁶ Hirschfeld Y. Op. cit. P. 72.

⁷ Ibid. P. 73.